

УДК 39(57)

Проблемы исторической прародины северных тунгусов и этногенеза эвенков

М. Г. Туров

Иркутский государственный университет

Аннотация. Предложены результаты тематического исследования историографии и основных проблем этногенеза тунгусов-эвенков, дан критический анализ опытов российских ученых-тунгусоведов, антропологов, археологов и языковедов, активно на протяжении 20-х гг. XX – начала XXI столетий предлагавших свои рабочие гипотезы этногенеза и этнокультурной истории указанной общности. Заключительная часть статьи содержит выводы автора, отражающие его видение ранних этапов формирования физического типа, культуры, языка и современный уровень этнического самоопределения эвенков.

Ключевые слова: тунгусы, этногенез, палеоантропология, культурогенез, диахронные исследования, прародина, миграции, ассимиляция, аккультурация.

Введение

В мифологических разделах эвенкийского фольклора есть сюжет. В пересказе суть его такова. На молодой, только что родившейся Средней земле сидит человек и размышляет: «Откуда я взялся? Если с неба упал – макушка головы была бы в инее! Если вышел из земли – ноги бы были в глине! Однако надо идти, искать людей, может, расскажут».

Такого рода размышления беспокоят, пожалуй, большую часть каждого из «больших» и «малых» народов постсоветского пространства России. В отличие от мифического героя, современным искателям истины не надо добывать истину ногами. Сногшибательные ответы на этот вопрос поставляют огромный массив сомнительного свойства информации в бульварной прессе, на экране ТВ, и, к сожалению, в многочисленных публикациях псевдонаучного масштаба.

Поднятая в настоящей статье тема не нова. Перу автора принадлежит несколько публикаций [Туров, 1998, 2003]. Между тем накопленный за последние 60–70 лет огромный багаж действительно научного знания о существовании сложных процессов формирования народов и культур, публиковавшийся в солидных журналах и монографиях, по разным причинам обходит стороной зарождающееся этническое самосознание молодых россиян. Простенькие же поделки на эту тему рождают в головах неискушенных читателей взрывоопасные для многонационального государства идеи этнокультурной исключительности и самодостаточности. Отсюда – невосприимчивость к «иному», сепаратизм и конфликты на «межнациональной основе». Своей очередной публикацией автор надеется до-

нести простую, мудрую идею – Земля мала и живущие на ней «сапиенсы» обречены на мирное сосуществование и взаимопонимание.

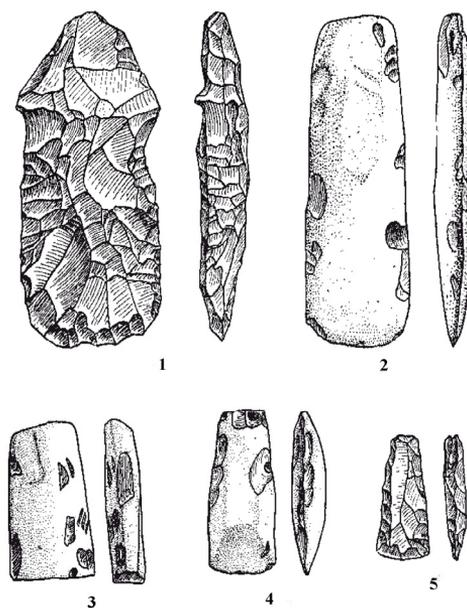
Материалы и результаты исследования

Понятие «историческая прародина» означает первичный очаг или локальную территорию, в границах которой формировались архаические элементы физического типа, языка и культуры современного этноса. Понятие «тунгусы» может иметь несколько значений. С приставками «северные» и «южные» оно обозначает две группы родственных по происхождению и культуре народов. Первая представлена эвенками и эвенами (ламутами), а вторая – тунгусоязычными народами Приамурья и о. Сахалина, чжурчженями и маньчжурами. В этнографии XIX – начала XX вв. слово «тунгусы» используется как этноним, эквивалентный современному самоназванию «эвенки» [Василевич, 1969; Туголуков, 1980, 1985]. При относительно небольшой численности компактные диалектные группы эвенков и эвенов осваивают всё пространство тайги. С XVIII в. небольшая группа эвенков населяет территорию современного Ханты-Мансийского автономного округа, а основная часть – районы Эвенкийского автономного округа, Иркутской и Читинской областей, северные районы Бурятии, южные районы Якутии, Хабаровского и Приморского краев.

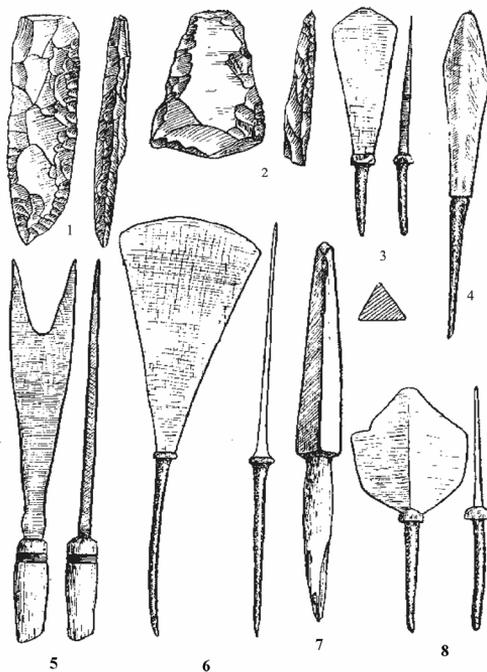
Этнографические и лингвистические данные XVIII в. отмечают, что эвенки и эвены – отдельные этносы, занимающие изолированное положение в структуре остального населения Сибири и Дальнего Востока. Несмотря на это, физический тип, язык и культура северных тунгусов уже на уровне знаний XVIII в. указывали на вероятность их родства с группой южных тунгусов. Очевидно, по этой причине понятие тунгусы, как и прежде, нередко распространяется на все тунгусо-язычные народы.

К началу XX в. стало известно, что язык эвенков и эвенов имеет общие элементы с языком некоторых племен охотников-оленеводов, отмеченных средневековыми китайскими источниками в составе государств Мохэ и Бохай [Василевич, 1949]. Собранные у енисейской группы эвенков коллекции каменных и костяных орудий (рис. 1, 2) обнаруживали поразительное внешнее сходство с орудиями неолита – бронзового века из поселений и могильников Прибайкалья. Очевидно, эти сведения формировали среди исследователей убеждения в том, что историческая молодость каждого из тунгусо-маньчжурских народов удивительным образом сочетается с глубокой древностью их физического типа, языка и культуры [Левин, 1958].

Российская этнография этого времени нередко называлась «народоведением» и не ограничивалась задачами описаниями современного состояния народов и культур. В круг интересов представителей старой и молодой (советской) школ этнологии изначально и особенно в связи с упорядочением границ национальных союзных республик, идеологической борьбой с представителями буржуазных направлений в этнологии входил обширный спектр исследований по теоретическим проблемам этногенеза и этнической истории.

Рис. 1. Коллекция архаических орудий из камня
[Народы Севера Сибири ..., 1986, с. 297, рис. IV; сборы М. М. Масловского]:
1–4 – тесла, 5 – скребок

Рис. 2. Коллекция архаических орудий из камня, металла и кости
[Народы Севера Сибири ..., 1986, с. 296, рис. III; сборы М. М. Масловского]:
1 – нож; 2 – скребок; 3–9 – наконечники стрел

Особое место в этом отношении занимали разработки комплексного и сравнительно-исторического (диахронного) подходов в изучении этногенеза малых народов Сибири и Севера, методов историко-археологических реконструкций. Комплексный метод предполагал, что достоверные реконструкции этногенетических и культурогенетических процессов возможны лишь при условии привлечения всех гуманитарных и ряда естественных наук – этнографии, лингвистики, географии, антропологии и археологии [Равдоникас, 1930; Шнирельман, 1983].

В ряду публикаций этого времени принципиально большое значение для изучения проблем этногенеза эвенков имели концептуальные положения С. М. Широкогорова:

- а) процесс формирования этноса заканчивается появлением выраженного в этнониме этнического самосознания (признания членами общности своего единства и отличия от ряда соседних);
- б) язык, физический тип и культура этноса формируются независимо друг от друга и изменяются вне связи с формированием этничности;
- в) северные тунгусы есть результат смешения аборигенной и пришлой популяций и культур;
- г) историческая прародина тунгусоязычных мигрантов, носителей физического типа и некоторых элементов культуры современных народов локализуется в бассейне среднего течения р. Хуанхэ.

Как считал С. М. Широкогорov, этногенез северных тунгусов включал следующие этапы: миграция значительных по количеству тунгусоязычных племен на север; ассимиляция палеоазиатского охотничьего населения; адаптация в непривычной для «южан» природно-климатической среде и связанное с ней заимствование аборигенных форм хозяйственной деятельности, организации быта, типов жилых и хозяйственных построек, а также некоторых элементов материальной и духовной культуры [Широкогорov, 1923; Shirokogoroff, 1929].

Взгляды С. М. Широкогорова опровергали положение Г. Ф. Миллера: тунгусы есть не что иное как древнейшие автохтонные обитатели тех мест, в которых они обитают сегодня [Миллер, 1937]. Вскоре после публикации результатов исследований концепция С. М. Широкогорова была раскритикована и выведена из научного оборота на долгие годы. В известной степени это было вызвано настойчивыми указаниями на несоответствие взглядов ученого «марксистско-сталинским» концепциям народоведения. По существу же, отдельные основополагающие взгляды Широкогорова (в политкорректном виде) продолжали использоваться в работах российских этнологов [Алексеев, 1989; Василевич 1969; Левин, 1958; Окладников, 1941, 1950; Туголуков, 1975, 1980]. Те же гипотезы, в почти неизменном виде, присутствуют и в ряде авторских публикаций российских этнологов второй половины XX – начала XXI вв. Как и прежде, этногенез тунгусов и эвенков рассматривается в контексте миграций исходных (предковых) популяций тунгусоязычных носителей архаичных (этнографически фиксируемых) элементов материальной и духовной культуры. Единственное уточнение взглядов С. М. Широкогорова

коснулось определения географической локализации первичного очага формирования прототунгусов. Историческая «прародина» тунгусов-эвенков «перенесена» в границы советской Сибири и Дальнего Востока.

Следует отметить, что корректировка концептуальных положений С. М. Широкогорова стимулировалась появлением новых данных из палеоантропологии, лингвистики, археологии и этнографии. Первые аргументы против локализации «прародины» тунгусов в бассейне Хуанхэ появились в 1930-е гг. после публикации Г. Ф. Дебецем (1930) результатов краниометрической обработки серии палеоантропологического материала из неолитических могильников Прибайкалья. По ряду признаков эти черепа оказались весьма близки антропологическим характеристикам современных эвенков Прибайкалья. В связи с находками «катангского» черепа Г. Ф. Дебеч высказал осторожное предположение, что эта территория могла быть исторической прародиной тунгусов.

Позднее Г. Ф. Дебеч внес в свои предварительные выводы ряд существенных уточнений (1948). Часть черепов из байкальской серии, принадлежавших носителям так называемой «китойской археологической культуры», была выделена в «байкальский» тип сибирских монголоидов. Ее краниометрические характеристики в разных сочетаниях совпадали с теми же признаками у южной диалектной группы эвенков, у эвенов, юкагиров, якутов и бурят. Отдельные же черепа из китойской серии обнаруживали сильную примесь европеоидности. На этом основании Г. Ф. Дебеч и вслед за ним ряд других антропологов признали, что уже в неолитическую эпоху популяциеносители комплекса признаков «байкальского» типа были в значительной степени дифференцированы и не могли являться прямыми генетическими предками не только северных, но и южных тунгусов.

В начале 1950-х гг. в западных районах Якутии (в бассейне р. Виллой) в единичных захоронениях эпохи неолита был найден череп, краниометрия которого отличалась от черепов китойцев и была выделена в особый «катангский» тип [Дебеч, 1956]. По своим характеристикам череп из Якутии был наиболее близок к аналогичным показателям по краниометрии современных западных эвенков (междуречье Енисея и Лены), эвенов и юкагиров.

То обстоятельство, что черепа «катангского» типа были найдены в таежных районах современного расселения территориальной группировки «западных» эвенков, очевидно, легло в основу предположения, что расогенез западных и восточных тунгусов имеет различную географическую локализацию, а историческая прародина наиболее ранних предков современных эвенков связана с горно-таежными территориями Забайкалья и Приамурья. Вместе с тем крайняя малочисленность образцов «катангского» типа заставила антропологов признать, что достаточно убедительных доказательств того и другого пока не существует.

Продолжение интенсивного поиска доказательств южной локализации исходного очага расогенеза тунгусо-маньчжуров, на наш взгляд, в значительной степени определялось тем состоянием теоретической базы исследований, которая сложилась в российском тунгусоведении к началу 1940-х гг. и в не-

сколько доработанном виде бытовала до середины 1980-х. Основание этой базы составляли три концептуальных положения:

а) на ранних стадиях консолидации этнических общностей (племя, союз племен) языковые и популяционные границы, как правило, полностью или частично совпадают, а сам язык и принадлежность к эндогамной популяции являются наиболее диагностичными этнодифференцирующими признаками;

б) физический тип, язык и культура, хотя и имеют конвергентное происхождение, но территориальное совпадение ареалов распространения их специфических признаков – достаточно веский аргумент для предположения, что эта территория является «исходным очагом – прародиной» исследуемой этнической общности [Окладников, 1950];

в) этногенез представляет собой линейный процесс, восходящий от древности к современности геналогии этноса, «предковой основой» которой являются эндогамные популяции носителей набора некоторых близких/аналогичных современным, антропологических, языковых и хозяйственно-культурных признаков;

г) язык может распространяться самостоятельно, но распространение физического типа без языка невозможно [Левин, 1950].

Исходя из этих посылов реконструкции ранних этапов этногенеза тунгусов-эвенков базировались на локализации палеоантропологических находок наиболее ранних (по тому времени) носителей комплекса признаков «байкальского» типа, а также на аналогиях между сопровождающим неолитические погребения инвентарем и отдельными элементами материальной культуры современных тунгусов-эвенков. Важнейшим доказательством родства современных и архаичных сообществ – носителей аналогичных культур являлась совместимость ареалов их распространения. Идеальное совпадение всех вышеперечисленных условий для определения положения исторической прародины эвенков демонстрировали районы территории Прибайкалья – Приангарья, западного Забайкалья и дальневосточного Приамурья.

Именно с этими районами в 1950–1980-х гг. связаны открытия ряда локальных очагов распространения массовых палеоантропологических находок «байкальского» типа, древних поселений и могильников, в артефактах которых фиксировались удивительные аналогии с материалом эвенкийских коллекций каменных и костяных орудий, с другими элементами их традиционной материальной и даже духовной культуры. В южном Забайкалье и среднем течении р. Амур были открыты средневековые поселения и могильники мохэских племен, которые по языку считались ближайшими родственниками южных тунгусов и явились основой формирования чжурчженей и маньчжуров. Наконец, южные районы Сибири и Дальнего Востока в концепциях 1930–1960-х гг. рассматривались как часть более обширного первичного очага глоттогенеза алтайской семьи языков и соединенных ею этнических общностей [Алексеев, 1989; Балуева, 1978; Деревянко, 1975; Деревянко, 1976; Левин, 1953].

Как следствие изменения границ все более ранних очагов распространения аналоговых палеоантропологических находок и археологических мате-

риалов происходило последовательное смещение к востоку границ исторической прародины тунгусов. Наконец, обосновывая приморскую (бассейн нижнего Амура) локализацию «прародины» эвенков, В. П. Алексеев указывал на то, что именно в этих районах соседство тунгусоязычных охотников-оленьеводов с мохэскими племенами земледельцев и скотоводов сопровождалось нарушением экологического равновесия между численно неуклонно растущим населением и ресурсами природной среды хозяйствования. Отсюда – «избыточное», наиболее слабо социально организованное население (прототунгусы) было вынуждено мигрировать в северные подтаежные и среднетаежные территории [Алексеев, 1986, 1999].

Казалось, что работы антропологов, археологов, этнографов и лингвистов не только подтверждают автохтонное сибирское происхождение северных тунгусов, но в самое ближайшее время окончательно определяют территориальные границы их исторической прародины, произведут достоверные реконструкции этногенеза и заселения современного ареала. Стройность и убедительность всех последовательных этногенетических и культурогенетических реконструкций и четкость границ исторической прародины разрушали результаты исследований классической, популяционно-генетической антропологии и лингвистики.

Первые сомнения в том, что историческая прародина тунгусов располагалась в южных районах Прибайкалья-Приамурья и в наиболее древнем варианте была документирована находками черепов «байкальского типа» появились после публикаций работ (80–90-гг. XX в.) представителей классической антропологии. Новые палеоантропологические материалы указывали на то, что местонахождения палеоантропологических материалов «катангского» типа, следовательно, и «историческая прародина» эвенков обнаруживаются достаточно далеко за пределами ранее принятого очага распространения (лесостепь и горная тайга Предбайкалья и Приамурья).

Так, спустя 40 лет после находок на реках Вилюе и Чоне (археологическая стоянка Туой-Хая), в нижнем течении р. Витим был найден единичный череп с характерными признаками катангского типа. По описанию авторов находки остеологические материалы в этом районе имеют, как правило, плохую сохранность, но данное обстоятельство не исключает возможность обнаружения новых находок при дальнейших масштабных археологических исследованиях бассейна р. Витим [Ветров, Задонин, Инешин, 1993]. Следует обратить внимание на то, что отдельные неолитические памятники этого района имеют абсолютный возраст в 12 000 л. н., а радиоуглеродная дата, полученная по костным останкам из погребения, составила 7230±40 лет (калиброванный вариант 6080±470 лет) [Пежемский, Рыкушина, 1998].

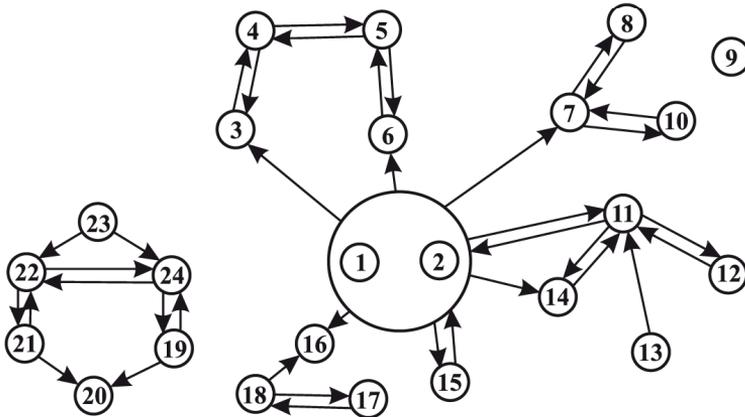
Следует заметить, что данная датировка «витимского» черепа указывает на практически синхронное сосуществование в границах Средней Сибири древних носителей признаков «байкальского» и «катангского» типов. Более того, по комбинации краниометрических маркеров современные южные тунгусы и группы прибайкальских эвенков оказались близки современным носителям признаков центрально-азиатских монголоидов (монголов, бурят и якутов), что явно указывало на их смешанное происхождение. Практически все-

ми антропологами России допускалось, что метисация байкальского и центрально-азиатского популяционных субстратов происходила относительно недавно и может датироваться X–XIV вв.

По тем же данным, отдельные признаки катангского антропологического типа выявлены в краниологии выделенных в «уральскую» расу сибирских монголоидов – самодийцев и угров. При этом процент катангских признаков в уральских популяциях возрастал в направлении запад → восток до максимума в группах северо-восточных самодийцев (ненцев и энцев). Максимальное генетическое родство было установлено между современными западными эвенками (территория междуречья рек Енисей и Лена), эвенками, тофами и юкагирами. В сравнении с другими современными этносами Северной и Центральной Азии эти группы популяций образуют особый антропологический тип чистых от примесей палеосибирских монголоидов.

Самый чувствительный удар в направлении стройных генеалогических реконструкций расогенеза эвенков был нанесен со стороны популяционной генетики и, как ни странно, был подготовлен самой логикой развития классической антропологии. Накопленный еще в начале 1970-х гг. генетический банк данных по палеоантропологическим находкам «байкальского» и «катангского» типов указывал на то, что на роль древнейшего первичного очага расогенеза современных тунгусо-маньчжуров претендуют как минимум четыре обширных региона – Прибайкалье-Забайкалье, Приморье, и обширная территория центральной части Среднесибирского плато (бассейны среднего течения р. Лены, верховий Нижней и Подкаменной Тунгусок). Исследования митохондриальной ДНК серии черепов из погребений Приангарья заставили исследователей вернуться к прежней, отвергнутой в 1950–1960-х гг. точке зрения: популяции «серовского» этапа неолита Прибайкалья имеют четко выраженные преемственные связи с группами популяций западных эвенков и эвенов. [Мовсесян, 1973; Молекулярно-генетическая характеристика ..., 1997; Рычков, 1973].

Сравнительные исследования популяционно-генетической структуры монголоидного населения Северной и части Центральной Азии предлагают доказательства того, что первичный очаг формирования «катангского» типа, скорее всего, связан с обширной территорией, включающей смежные районы Западной и Восточной Сибири, северо-западные и часть южных районов Республики Саха-Якутия, Западного Забайкалья, Приамурья и северо-западных аймаков Монголии [Population Agginitives ..., 2006]. По мнению генетиков, хронологический диапазон существования популяции носителей признаков «катангского» типа простирается на глубину 19 500–20 000 л. н. Кроме того, несмотря на то, что современные диалектные группы эвенков (как западных, так и восточных) и эвенов представляют собой изолированные популяции, частота межпопуляционных генных миграций соединяла их в единую цепь генетически однородной макропопуляции (рис. 3). Наконец, интенсивность и направления миграционных потоков «катангского» набора генных маркеров позволяют полагать, что именно он в период позднего палеолита мог составлять основу всех предковых и современных популяций угорской, самодийской и тунгусо-маньчжурской языковых групп.

Рис. 3. Структура этнического уровня популяций по данным миграции генов [Рычков, 1973, с. 13, рис. 4]

1 – эвенки; 2 – эвены; 3 – ханты; 4 – коми; 5 – ненцы; 6 – селькупы; 7 – чукчи; 8 – эскимосы; 9 – алеуты; 10 – коряки; 11 – ульчи; 12 – нивхи; 13 – нанайцы; 14 – негидальцы; 15 – буряты; 16 – тофалары; 17 – тоджинцы; 18 – тувинцы; 19 – кумандинцы; 20 – тубалары; 21 – теленгиты; 22 – алтай-кижи; 23 – лебединцы; 24 – шорцы

Рис. 4. Аянский эвенк
(фото В. А. Тураева)

Рис. 5. Эвенкийская оленья упряжка
(фото Н. Г. Вейсальной)

К началу 1980-х гг. число сторонников реальности алтайской языковой семьи и, соответственно, общего праязыка современных монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков не превышает число противников. Сравнительные исследования языков уральской и алтайской семей показало, что корневая основа лексики, фонетики и морфологии языка эвенков и эвенов имеет от 60 до 70 % тождеств в языках восточных самодийцев (селькупы, энцы, ненцы) и лишь в 7–10 % обнаруживает сходства с языками бурят. Из этого следовало предположение, что общий глоттогенетический полигон в древности мог охватывать все популяции охотников-рыболовов таежной зоны Восточной Сибири, Дальнего Востока и смежных районов Обь-Енисейского междуречья, а гипотетическая алтайская семья языков может рассматриваться лишь с позиций «языковой непрерывности» – сообщества изолированных языков и диалектов [Викторова, 1980; Никонов, 1980; Серебренников, 1982; Старостин, 1991].

Развитие теории археологии и накопление новых данных по культурам неолита – средневековья убеждают в том, что прежние методы и подходы к реконструкции архаической основы современных культур – поиск и интерпретация выбранных по внешнему сходству аналогий в ископаемых и современных комплексах, необъективны и требуют замены. Сходства в культурах и их модернизация могли быть и чаще всего являются результатами конвергентного развития. Заслуживают внимания и появившиеся в последние два десятилетия прошлого века предложения ряда российских этнологов, по которым традиционные культуры современных этнических общностей Сибири, Севера и Дальнего Востока формируются и эволюционируют относительно независимо от включения в состав принимающих этносов мигрантов – носителей инородных по происхождению культур и сопровождающих его событий полной ассимиляции или аккультурации исходного этнокультурного субстрата. Заслуживает внимания и то положение, по которому сопоставления «живых» (этнографических) и «мертвых» (археологических) культур допустимо лишь в рамках хозяйственно-культурной типологии [Арутюнов, Хазанов, 1979; Арутюнов, 1984; Марков, 1999; Клейн, 1998, 1991].

Выводы

Излагаемые ниже соображения следует воспринимать не иначе как рабочие, отражающие не более чем современный уровень знаний о географической локализации, так называемой исторической прародине тунгусов и о ранних этапах формирования предковых основ физического типа языка и культуры современных эвенков. Невозможно исключить, что по прошествии некоторого времени исходный банк данных заставит нас радикально пересмотреть наши взгляды. Особые опасения на этот счет вызывает возможное появление новых результатов генетических исследований палеоантропологического материала из неолитических могильников (из известных к настоящему времени 100 экз. обработано пока всего 11).

На сегодняшний же день наши взгляды на рассматриваемые в статье проблемы предлагаются в следующем виде:

1. Современный комплекс задействованных в исследовании этногенетических данных дает основания полагать, что искомая «прародина» тунгусов-эвенков, т. е. исходный полигон генезиса праязыка и физического типа в географическом измерении может охватывать огромную территорию Северной и примыкающих к ней районов Центральной Азии. В виде рабочей гипотезы уместно полагать, что генетические основания физического типа и языка могли быть заложены в эпоху неолита и апплицироваться с размещенными в этом полигоне популяциями носителей «палеосибирского» (катангского) антропологического типа и «урало-алтайской» праязыковой общности.

2. Явные следы преемственности между древним и современным населением этой территории не являются доказательствами наличия между ними прямого генетического родства. Скорее всего, древние основания физического типа и языка дошли до современности в модифицированном виде, осложненном:

– дроблением материнского популяционного ядра и относительной изоляцией выделившихся из него популяций;

– смешением «западной» и «восточной» группировок предков современных эвенков с близкими в территориальном и хозяйственно-культурном отношении популяциями «уральских» и «центральноазиатских» монголоидов.

3. Современная традиционная культура эвенков может сопоставляться с археологическими лишь на уровне хозяйственно-культурного типа «охотников-собираателей-рыболовов», общего для всех территориальных групп древнего и современного населения таежной зоны Сибири. Региональные особенности традиционной культуры эвенков, локально-территориальная комбинация пешей (безоленной) охоты и рыболовства, охоты и оленеводства, охоты и скотоводства, а также свойственные этим формам хозяйства способы организации быта (сезонно-оседлый, оседлый, кочевой) могут восходить к локальным археологическим культурам охотников-рыболовов в вариантах адаптированных к локальным экосистемам.

4. Кроме указанных причин, диалектное, культурное и антропологическое разнообразие современных эвенков в какой-то степени является итогом длительных контактов (кросскультурного) взаимодействия диалектно-территориальных групп этноса с инородными соседями, диффузии генетического кода «катангского типа», отдельных элементов культуры, а также включением в состав предков эвенков групп иноэтничного населения.

5. Самоназвание эвенки, заместившее экзоним «тунгусы», было официально введено постановлением ВЦИК СССР на пленуме 1930 г. и не отражало уровень этнической консолидации трех этнографических групп, признававших лишь собственные этнонимы – «илэл», «эвенки», «орочен». Это обстоятельство, а также бытование наряду с племенными родовых самоназваний, языковое (на уровне диалектов и говоров) и хозяйственно-культурное (на уровне различных сочетаний ведущих отраслей хозяйства) разнообразие территориально-соседских общин, дисперсность расселения и сопутствующее ему отсутствие устойчивых средств межгрупповых коммуникаций дают основания полагать, что рескрипт государства не может документировать факт этнической консолидации эвенков.

6. Автор полагает, что завершение этногенеза, документируемое появлением общего для всех групп этнонима «эвенки», приходится на 90-е гг. про-

шлого столетия. Ускорение вялотекущих процессов этнической консолидации территориальных групп тунгусов-эвенков могло стимулироваться:

- официальным провозглашением их в качестве «окончательно сложившейся социалистической народности»;
- созданием эвенкийских региональных автономий (округа и районы) в составе административных единиц Севера, Сибири и Дальнего Востока;
- созданием и введением в начальное школьное образование преподавания национального языка и письменности, адаптированных к ним учебных пособий и соответствующих культурной традиции предметов;
- целенаправленными государственными программами формирования слоя эвенкийской интеллигенции, в сознании которой утверждалось осознание принадлежности к «единой этнической общности – эвенкийскому малочисленному народу».

Список литературы

- Алексеев В. П.* Этногенез / В. П. Алексеев. – М. : Высш. шк., 1986. – 176 с.
- Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1989. – 445 с.
- Алексеев В. П.* Очерки экологии человека / В. П. Алексеев. – М. : Наука, 1998. – 233 с.
- Арутюнов С. А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – 247 с.
- Арутюнов С. А.* Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы / С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С. 140–146.
- Балуева Т. С.* Краниологический материал неолитического слоя пещеры Чертовы ворота (Приморье) / Т. С. Балуева // ВА. – 1978. – Вып. 58. – С. 184–187.
- Василевич Г. М.* К вопросу о киданях и тунгусах / Г. М. Василевич // СЭ. – 1949. – № 1. – С. 157–160.
- Василевич Г. М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки / Г. М. Василевич. – Л. : Наука, 1969. – 303 с.
- Ветров В. М.* Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон) – I в Бамбульской котловине / В. М. Ветров, О. В. Задонин, Е. М. Инешин // Культуры и памятники эпохи камня и раннего железа Забайкалья. – Новосибирск, 1993. – С. 93–113.
- Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и культуры / Л. Л. Викторова. – М. : Наука, 1980. – 223 с.
- Дебец Г. Ф.* Антропологический состав Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журн. – 1930. – Т. 19, вып. 1–2. – С. 7–50.
- Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР / Г. Ф. Дебец // ТИЭ. – М., 1948. Т. 4. – 392 с.
- Дебец Г. Ф.* Древний череп из Якутии / Г. Ф. Дебец // КСИЭ. – 1956. – Т. 25. – С. 60–63.
- Деревянко А. П.* Приамурье (I тысячелетие до нашей эры) / А. П. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1976. – 384 с.
- Деревянко Е. И.* Мохэские памятники среднего Амура / Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1975. – 250 с.
- Клейн Л. С.* Археология и этнография: проблемы сопоставлений / Л. С. Клейн // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск ; СПб., 1998. – Ч. 1. – С. 97–120.
- Клейн Л. С.* Археологическая типология / Л. С. Клейн. – Л. : АН СССР, 1991. – 448 с.

Левин М. Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего востока (К проблеме происхождения народов Северной Азии) / М. Г. Левин // СЭ. – 1950. – № 2.

Левин М. Г. Древний череп с Шилки / М. Г. Левин // КСИЭ. – М., 1953. – Вып. 18. – С. 69–75.

Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока / М. Г. Левин. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 359 с. – (Тр. / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер. ; т. 36).

Марков Г. Е. Сравнительная типология археологических и этнологических культур / Г. Е. Марков // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М. ; Омск, 1999. – С. 35–38.

Миллер Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 739 с.

Мовсесян А. А. Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири / А. А. Мовсесян // ВА. – 1973. – Вып. 45. – С. 77–84.

Молекулярно-генетическая характеристика неолитических популяций Прибайкалья. Анализ ПДРФ древней мтДНК из костных остатков в могильнике Усть-Ида I / О. Ю. Наумова, С. Ю. Рычков, В. И. Базалийский, Н. Н. Мамонова, Л. Д. Сулержицкий, Ю. Г. Рычков // Генетика. – 1997. – № 10, т. 33. – С. 1418–1424.

Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / отв. ред. Н. А. Томилов. – Томск : Изд-во ТГУ, 1986. – 344 с.

Никонов В. А. Фоностатистические спектры языков Сибири / В. А. Никонов // Народы и языки Сибири. – Новосибирск, 1980. – С. 26–34.

Окладников А. П. Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока / А. П. Окладников // КСИИМК. – 1941. – Вып. 9. – С. 5–13.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА ; № 18).

Пежемский Д. В. Человек из Нижней Джилинды (предварительное сообщение) / Д. В. Пежемский, Г. В. Рыкушина // Вестн. антропологии. – 1998. – Вып. 5. – С. 115–135.

Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры / В. И. Равдоникас // Изв. ГАИМК. – 1930. – Т. 7, вып. 3–4. – 94 с.

Рычков Ю. Г. Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильной эволюции популяций. Поиски и решения на путях популяционной генетики / Ю. Г. Рычков // ВА. – 1973. – Вып. 44. – С. 3–22.

Серебрянников Б. Ф. Проблема достаточности оснований в гипотезах, касающихся генетического родства языков / Б. Ф. Серебрянников // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. – М., 1982. – С. 6–62.

Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка / С. А. Старостин. – М. : Наука, 1991. – 178 с.

Туголуков В. А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) / В. А. Туголуков // Этногенез и этническая история народов Севера. – М., 1975. – С. 78–110.

Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов / В. А. Туголуков // Этногенез народов Севера. – М., 1980. – С. 152–176.

Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. – М. : Наука, 1985. – 284 с.

Туров М. Г. К проблеме этногенеза и этнической истории эвенков / М. Г. Туров // ЭО – 1998. – № 3. – С. 12–25.

Туров М. Г. Еще раз об исторической прародине и ранних этапах этногенеза тунгусов-эвенков / М. Г. Туров // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. – Иркутск, 2003. – С. 147–180.

Туров М. Г. Эвенки. Основные проблемы этногенеза и этнической истории / М. Г. Туров. – Иркутск : Амтера, 2008 – 228 с.

Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. – Шанхай, 1923. – 135 с.

Шнирельман В. А. Археологические источники / В. А. Шнирельман // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. – М., 1983. – С. 54–68.

Population Agginities of Neolithic Siberians. A Snapshot Prehistoric Lake Baikal / K. P. Mooder, T. G. Scyur, T. H. Bamfor, V. I. Bazaliiskii, N. A. Savel'ev // American journal of physical anthropology. – 2006. – № 129. – P. 349–361.

Shirokogoroff S. M. Social organisation of the northern tungus / S. M. Shirokogoroff. – Shanghai : The commercial Press, Ltd., 1929. – 427 с.

Problem of the Ancestral Home of Northern Tungusic People and Evenks Ethnogenesis

M. G. Turov

Abstract. The article contains the results of major ethnogenesis problem study and ethnic history of the Tungusic people and Evenks. The introduction presents the analysis of the interdisciplinary research of this problem lead by Russian scientists during the first half of XX – beginning of XXI century. Methodological base of the research is based on the theoretical studies of Russian ethnologists (Shirokogoroff S. M., Tishkov V. A., Bromley Y. V., Levin M. G. and others) who consider the process of ethnogenesis and ethnic history from the point of view of convergent forming and evolution of the basic definitions of the ethnic groups: physical type, language, culture and ethnic identity. In contrast to previous studies, the author believes that the so-called «historical ancestral home» of the Tungus and Evenks used to cover a vast territory of the Middle Siberia. With this territory it should be associated the forming of the «parental» genetic core of the Evenks ancestors. The analysis of the ethnographic sources permits the author to suggest that the current diversity in language, forms of economy and material culture is a result of the late Evenks and Tungus migrations, their conquering the whole taiga and tundra and finally the interaction of the local protoevenks groups with the Samodians, Paleoasianand the groups of Mongol and Turkic speaking cattlemen.

Key words: Tungusic People, ethnogenesis, paleoanthropology, cultural genesis, diachronic studies, ancestral home, migrations, assimilation, acculturation.

Туров Михаил Григорьевич – кандидат исторических наук
доцент, Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1, mikturov@yandex.ru

Turov Mikhail Grigor'evich – Ph. D. in History
Docent, Irkutsk State University
1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003,
mikturov@yandex.ru